

Столкнувшись с обвинениями, госпожа Ли даже не смутилась. Напротив, она заявила с непоколебимой уверенностью:

— Весь дом и земля достались Ли Эру, так что плохого в том, что мы дали Чжэнжэню чуть больше денег? Глядя на вас сейчас, я лишь радуюсь, что не отдала вам ни гроша больше. Вы бы нас со стариком до могилы довели своими попреками!

Старуха до сих пор отчетливо помнила каждую монету из тех девяноста лянов, что они копили долгие годы. Они со стариком всё решили заранее: Чжэнжэнь должен поехать в город, выучиться и сдать экзамены, чтобы однажды прославить род и занять высокий пост.

Третий Ли с самого детства был не таким, как эти деревенские мальчишки, вечно копошащиеся в грязи. Он был смышленным, и даже старый ученый-сюцай на пиру в честь месяца со дня его рождения предрек ему великое будущее. Всё шло гладко, пока старший сын не вздумал отделяться.

Второй сын стоял, сжав кулаки, и смотрел на родную мать покрасневшими от обиды глазами.

— В то время вы решили жить с семьей Ли Чжэнжэня, а спустя пять лет переехали в окружной город и сменили прописку. Тогда из десяти му заливных полей Ли Гоуцзы и Ли Чжэнжэня было возвращено общине шесть му. Из суходольных полей, принадлежавших отцу, сыну и госпоже Ли, вернули девять му. А оставшиеся родовые земли... — Старейшина сощурился, вглядываясь в пожелтевшие строки договора.

Ли Эр ответил не задумываясь, эти цифры давно выжглись в его памяти:

— Четыре му заливных и шесть му суходольных полей. Это те земли, что остались после вашего отъезда и смены прописки.

При разделе имущества Ли Эр мало что соображал. Ему казалось, что он и так получил львиную долю — по сравнению со старшим братом он и впрямь был в выигрыше. Земли в достатке, шестнадцать лянов серебра на руках, да еще и добротный дом из сырцового кирпича. Спустя пять лет, когда Ли Чжэнжэнь устроился счетоводом в городе, женился и забрал родителей к себе, весь родовой дом целиком перешел во владение среднего брата.

Четыре просторных комнаты со старой деревянной мебелью — правда, всё самое ценное и добротное старики забрали с собой в город.

Тогда он не видел в этом никакой несправедливости. Напротив, Ли Эр радовался, ведь родители уезжали так далеко, и он не мог больше заботиться о них ежедневно. Но сейчас, когда старейшина начал разбирать всё по пунктам, мужчина почувствовал, как внутри

закипает горечь.

Тогда все земли делили между всеми. Если бы не раздел, семья старшего брата владела бы таким же наделом, как и его собственная. В то время Гуанцзун еще не родился, а Син-гэ'эр и Чжоучжоу были почти ровесниками. Обеим ветвям семьи полагалось бы по пять му заливных и по пятнадцать му суходольных земель. Но при разделе Ли Да получил лишь пять му заливных полей.

Теперь Ли Эр понял: те пять му были тем, что и так принадлежало брату по праву.

Когда Ли Да потребовал раздела, Третьему было всего одиннадцать лет. Родители оставили за собой две комнаты и лучшие участки, а суходольные поля, которых было в избытке, они предпочли продать, лишь бы не отдавать старшему сыну.

Уже тогда старейшины видели, что старики Ли хотят обделить первенца, надеясь принудить его к покорности. Они хотели, чтобы он, словно вол, продолжал горбатиться на земле, обеспечивая учебу младшего брата.

Но разве это было возможно?

Старейшина лишь вздыхал про себя, вспоминая те годы. Ли Да потерял жену, чье здоровье было подорвано непосильным трудом, — как он мог склонить голову перед теми, кто косвенно стал причиной её смерти?

И действительно, даже на таких кабальных условиях Ли Да не отступил. Он твердо стоял на своем: разделу быть. Сначала старики пытались надавить на него, а когда поняли, что не выйдут — возненавидели.

Лишь благодаря заступничеству старосты и старейшин Ли Да выделили хотя бы кусок пустоши под застройку. А те суходольные поля, что у него есть сейчас, он купил позже на деньги, взятые в долг у того же старейшины, пожалевшего работающего мужика.

Второй Ли вспоминал дальше. Когда Третий обосновался в городе и родители решили переехать к нему, они продали оставшиеся родовые земли за двадцать лянов. Мать тогда заявила, что эти деньги никому не отдаст — мол, это их со стариком «гробовые» на черный день. Ли Эр тогда согласился, считая, что родителям в чужом городе деньги нужнее.

Лю Хуасян из-за этого несколько раз затевала ссоры, но муж всякий раз её осаживал.

Он твердил ей:

— Мы не рядом с ними, пусть эти двадцать лянов будут у них на руках. Ведь это деньги родителей, а не подарок младшему брату, так что в этом такого? Хоть мы и разделились, они

меня вырастили. К тому же нам достался весь родовой дом с четырьмя комнатами, так стоит ли мелочиться? Будем считать это нашей сыновней почтительностью.

Год спустя из города пришла весть: родители просили привозить им зерно. У Ли Эра не было своего вола, и родители дали ему половину суммы на покупку животного. Он тогда даже прослезился от благодарности. Мать сказала, что берет эти деньги из своих «гробовых», и просила не говорить Чжэнжэню.

Все эти годы Ли Эр возил им рис с легким сердцем. И не только потому, что Ли Чжэнжэнь обещал пристроить Гуанцзуна, но и потому, что верил: родители всё же любят его, своего второго сына. В городке официальная цена тоже восемь взней, так что хлопоты для него были одни и те же.

Но теперь правда вскрылась.

У матери было восемьдесят восемь лян серебра! А ему она сказала лишь про сорок шесть, не считая тех двадцати лян за проданную родовую землю. Родовая земля — это не просто надел, это наследство, которое должно передаваться потомкам, а не исчезать бесследно после смерти владельцев.

В итоге у второго сына на руках осталось одиннадцать му заливных и восемнадцать му суходольных полей — и ни одно из них не было родовым. Лишь после рождения Гуанцзуна им выделили по пять му каждого вида, из которых лишь по два му были закреплены за семьей навечно как родовые.

— Славненько! Значит, этот паршивец Ли Чжэнжэнь прикарманил восемьдесят два лян?! — Ли Эр заскрежетал зубами от ярости. — Как ловко вы меня обвели вокруг пальца! Десять лет я жил в неведении. Чего стоит этот дом? А земли, которые даже продать нельзя, потому что они не родовые? И после всего этого вы еще смеете требовать от меня почтения?!

И это были лишь те суммы, о которых стало известно официально.

Госпожа Ли не чувствовала ни капли вины.

— Мы с отцом тебя вырастили! Ну и что с того, что не дали тебе денег? Мы дали тебе дом и землю — неужто ты теперь врагом нам станешь из-за этого?

— Тогда и о зерне забудьте! — тяжело дыша, отрезал второй сын.

— Ты наш должник! С какой стати нам забывать? Мы твои родители, неужто не заслужили миски риса?!

Ли Эр задохнулся от возмущения, не в силах вымолвить ни слова. Лю Хуасян выступила вперед

и смачно плюнула под ноги старухе Ли.

— Ах ты, старая карга, еще смеешь пасть разевать! — закричала она. — Вы давно разделились! Живете со своим драгоценным Третьим, вот и катитесь к нему! Не смейте топтать мою землю и зариться на мой рис! Запомни: ни зернышка вы отсюда не получите!

— Вы только посмотрите на них! — Старик Ли, решив, что теперь-то у него есть доказательства их непочтительности, воззвал к толпе.

Но, оглядевшись, он понял: деревенские лишь смотрят на них как на диковинных зверей. Никто не собирался заступаться за стариков, даже староста не выказал сочувствия. Тогда старик вцепился в рукав возничего:

— Милок, ты всё слышал! Будешь нашим свидетелем. Я пойду к судье и потребую утопить этого неблагодарного щенка за нарушение сыновнего долга!

Возничий, который слышал весь разговор от начала до конца, посмотрел на плачущую старуху, на трясущегося от злости старика. Он видел изможденных дорогой родителей, но в его душе вместо жалости поселился холод. Да, они явно обделили второго сына, отдав младшему лишние пятьдесят лянов, но и Ли Эр не остался на улице.

Однако когда возничий уже собрался что-то сказать, второй сын посмотрел на родителей покрасневшими глазами.

— Вы говорите, что не обидели нас? Да, у нас есть дом и земля. Но зная, что у вас в сундуке лежат восемьдесят лянов, как вы могли спокойно смотреть, как умирает жена старшего брата?! Как вы могли жалеть медяк на лекарства и в итоге загнать её в могилу, а брату отдать лишь те пять му, что и так принадлежали ему?!

Ли Эр только сейчас начал осознавать всю глубину несправедливости прошлого. Его душила обида не столько за деньги, сколько за то, что родители никогда не считали его человеком, равным Третьему.

Они не обидели его? Ладно. Но как же брат?

— Четыре комнаты, восемьдесят с лишним лянов... Сколько из этого заработал старший брат своим горбом?! Вы же знаете, что вся работа в поле держалась на нем! И чем вы отплатили? — допрашивал Ли Эр.

Лю Хуасян подхватила, обращаясь к соседям:

— Старейшины всё помнят! Пока мы жили вместе, свекровь вечно попрекала нас с невесткой за то, что мы рожаем только гэ'эров. Требовала от невестки внука-мальчика. Та забеременела,

работала на износ, а потом случился выкидыш. Ей нужно было восстановиться, подкрепить силы. Мать на словах обещала: «Да-да, подкрепим». А стоило старшему брату уйти в поле, она гнала больную женщину к корыту — стирать белье! А когда зимой та слегла с лихорадкой, мать говорила, что покупает лекарства, а сама варила одни и те же травы по десять раз, пока от них и запаха не осталось! Просто тянула время, пока невестка не преставилась. Говорила — денег нет! А откуда тогда взялись те восемьдесят лянов?!

— Человека сгубили ни за что...

Старики в деревне помнили ту историю, но вслух о ней почти не говорили — дело прошлое. Но сегодня, когда Лю Хуасян напомнила обо всем, даже те, кто не любил сплетничать, невольно посмотрели в сторону Ли Да.

Гу Чжао обнял Чжоучжоу за плечи, слегка заслоняя его лицо от сочувственных взглядов односельчан.

Возничий, не ожидавший, что окажется в центре дела о загубленной жизни, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он посмотрел на плачущую старуху, которая только что выставляла себя жертвой, и его передернуло от отвращения. Какое же черное сердце нужно иметь для такого...

Госпожа Ли продолжала упрямитесь:

— Кто же знал, что этот никчемный гэ'эр такой хилый? Подумаешь, померла...

— Довольно! — раздался глухой, преисполненный ярости голос Ли Да.

Лю Хуасян никогда не видела его таким. Она невольно отшатнулась и спряталась за спину мужа.

— Мы давно разделились. Я, Ли Да, больше не имею ничего общего с Ли Гоуцзы и госпожой Ли. Староста и старейшины были тому свидетелями. Тогда вы сами кричали мне в лицо, что у вас больше нет такого сына и что вы знать меня не желаете.

Староста кивнул, подтверждая.

В те годы старики Ли люто возненавидели первенца. Их любимцу было всего одиннадцать, самое время для учебы, и раздел имущества лишил их надежды на его блестящее будущее. Они в запальчивости кричали, что разрывают все связи, и просили Ли Да не приходить даже на их похороны.

— Что бы вы здесь ни затеяли, не впутывайте меня. Я, Ли Да, давно живу своим домом. И сегодня я заявляю это перед всеми. — Он взглянул на Ли Эра: — Отныне в деревне Ли Да будет

сам по себе, домом Ли Да.

— Староста, старейшины, если больше вопросов нет, мы пойдем.

— Ступай, Да, отдыхай, — отозвался один из старцев.

Староста тоже согласился.

Семья Ли Да покинула толпу. С их уходом интерес к скандалу начал угасать. Ли Эр и Лю Хуасян продолжали стоять на своем, несмотря на проклятия стариков.

Второй сын даже заявил, что пусть его хоть в суд ведут — зерна он не даст.

— Вот договор о разделе. Поля записаны на мое имя, дом — тоже. Какое отношение к ним имеет Третий? Если ему нужен рис — пусть идет в окружной город и покупает. В чем меня обвинит чиновник? В том, что я не продаю свой рис дешево чужим людям? Или в том, что по договору родители живут с младшим сыном, а теперь пытаются сесть мне на шею?

В городе Ли Эр, может, и спасовал бы перед стражниками, но здесь, в родной деревне, чувствуя поддержку соседей и сжимая в руке договор, он ощущал себя правым.

Конечно, известие о восьмидесяти восьми лянх тоже подхлестнуло его. Не знай он об этом, старики, возможно, смогли бы его разжалобить или запугать. Но теперь это было невозможно.

Зеваки стали расходиться. Ветер был холодным, и мысль о теплой печи манила куда сильнее, чем чужая ссора.

Лю Хуасян затащила мужа и сына в дом и с грохотом заперла ворота на засов.

— И не мечтайте войти! — выкрикнула она напоследок.

Представление закончилось.

Старики Ли остались на улице, вне себя от ярости и бессилия. Стучать было бесполезно — за дверью хранили гробовое молчание. В конце концов старосте пришлось пустить их и возникшего к себе на ночлег, выделив каморку.

Войдя в дом старосты, госпожа Ли схватила за руку свою старую знакомую, с которой когда-то вместе работала. Но не успела она вымолвить и слова жалобы, как та отрезала:

— Столько лет прошло, зачем вы вернулись ворошить старые обиды? Вы сами в прошлом дел

наворотили...

— И не надейся на сочувствие. Живешь с Третьим, ешь его хлеб — вот с ним и разбирайся. А сегодня ты только раны Ли Да растравила. Подумай сама — каково было Чжоучжоу в пять лет без отца остаться? Сердце кровью обливается...

— Завтра отправлю сына к Ли Да, пусть отнесет им моих солений. Они вкусные. Негоже Чжоучжоу расстраиваться. Жизнь идет вперед, и сейчас у них всё хорошо.

Старой госпоже Ли даже пожаловаться было некому. Она не понимала: неужели за десять лет мир так изменился, что в родной деревне не осталось ни одного человека, готового принять её сторону?

\*\*\*

В доме Ли Да царил тишина. Вернувшись со двора, каждый молча разошелся по своим комнатам. Гу Чжао, видя состояние домашних, не решался заговорить и послушно последовал за супругом.

Раздевшись и забравшись на теплую печь, они потушили лампу. Ли Чжоучжоу, чувствуя, как муж прижимается к нему, крепко обнял его. Гу Чжао уткнулся носом в грудь супруга, и Чжоучжоу наконец немного расслабился.

— На самом деле, я просто беспокоюсь за отца, — тихо сказал Чжоучжоу.

Гу Чжао лишь тихо угукнул в ответ, покрепче обхватив его за талию.

— Я... я плохо помню своего папу. Только как он водил меня на реку стирать белье, как собирал для меня лесные плоды. Помню, как он держал меня на руках. Остальное — как в тумане.

Когда случился раздел, Чжоучжоу было всего пять лет. Смерть папы Су Су он тогда воспринял смутно, не понимая до конца, что значит «умереть». Настоящая боль пришла позже, когда пришлось съехать из родового дома, когда начались голод и бесконечная работа.

— Помню, как спрашивал отца: «Где мой папа? Когда он вернется?» А отец Ли Да просто обнимал меня и молчал.

Чжоучжоу вздохнул.

— Потом я перестал спрашивать. Отец плакал. За всю жизнь я видел его слезы только тогда. Больше — никогда.

— Сянгун, отец до сих пор винит себя в смерти моего папы.

Гу Чжао и сам это понимал. Именно это чувство вины заставляло Ли Да так оберегать сына. Когда в деревне Чжоучжоу поносили на все корки, Ли Да лишь молча копил деньги, пахал землю и строил этот двор, чтобы обеспечить сыну надежный тыл. Он даже согласился принять в дом ученого, который не умеет работать в поле, лишь бы сын был под его присмотром.

— Жизнь идет вперед, — мягко сказал Гу Чжао. — Всё наладится.

— Я тоже так думаю.

Сердце Чжоучжоу немного оттаяло. Он похлопал мужа по спине, словно баюкая ребенка, и поправил одеяло. Гу Чжао, не выпуская его из объятий, приподнялся и коснулся губ супруга нежным поцелуем.

Напряжение окончательно спало. Пора было спать.

\*\*\*

Старики Ли пробыли в деревне еще один день. Ночной холод и голод заставили их сменить тактику: после бессонной ночи в доме старосты они решили, что лучше немного поступиться гордостью. Ведь если Ли Эр перестанет возить рис, Чжэнжэню в городе придется туго.

Рис в окружном городе стоил баснословно дорого. Старая госпожа Ли так пеклась о благополучии младшего сына, что была готова даже дать второму сыну один лян в качестве «подкупа».

Но в дом Ли Эра их так и не пустили.

О том, чтобы пойти к Ли Да, они даже не думали. Во-первых, не считали, что от него может быть какой-то прок. Во-вторых, давно вычеркнули его из списка детей. При разделе госпожа Ли лично заявила, что порывает с ним все связи.

Стоя перед закрытыми воротами, старуха Ли завывала, выкликивая имя второго сына так, будто оплакивала покойника.

Лю Хуасян, слушая эти вопли, закипала от ярости. Наконец она не выдержала: зачерпнула ковш ледяной воды и велела Гуанцзуну открыть дверь. Едва ворота распахнулись, она окатила старуху водой прямо по ногам!

Обувь госпожи Ли мгновенно промокла, и вой смолк. Но Лю Хуасян было не унять. Уперев руки в бока, она выкрикнула:

— Что ты тут воешь? У нас все живы-здоровы! Хочешь голосить — катись в город и оплакивай своего Третьего!

— Ты, проклятая разлучница!..

— Лучше быть такой, чем потакать вашему Третьему-проходимцу! Мы разделились, забудь дорогу к этому дому!

Госпожа Ли задыхалась от возмущения, а старик Ли замахнулся, чтобы ударить невестку. Но Гуанцзун мгновенно преградил ему путь. Лю Хуасян, хоть и была остра на язык, по-настоящему драться со свекром не решилась бы — всё же это было бы верхом неприличия.

— Нужен рис? — вдруг сказала Лю Хуасян.

Старик Ли замер с поднятой рукой. Старуха тоже притихла. Невестка протянула ладонь:

— Гоните двадцать лянов серебра. Тогда я велю мужу еще пять лет возить вашему Третьему рис по восемь вэней за ши.

Двадцать лянов! Да как она смеет?!

Старая госпожа Ли тут же взвилась:

— Ах ты, жадная душа! Требуешь с меня двадцать лянов?! Где это видано, чтобы мать платила за миску риса своим детям...

Бам! Ворота снова захлопнулись.

Старики продолжали шуметь и плакаться, но деревенские лишь лениво грызли семечки, не спеша на помощь. Обращения к старосте и старейшинам тоже не дали плодов. Ответ был прежним: вы разделились, живете с младшим сыном, так с какой стати вам требовать рис у второго?

Ни угрозы, ни слезы не помогли. Видя, что второй сын на этот раз проявил железную волю, старикам ничего не оставалось, как возвращаться в город.

Но возникший уехал еще на рассвете. У него не осталось ни капли сочувствия к этим людям. К тем, кто довел до смерти собственную невестку, жалости быть не могло.

В итоге старосте пришлось отвезти их на воловьей повозке до городка, чтобы они сами наняли транспорт до города. Вернувшись в деревню, староста увидел у въезда Ли Эра. Тот смотрел на

пустую повозку, и в его душе боролись противоречивые чувства.

В конце концов он лишь вздохнул. Раздел был совершен давно, и пора было признать правду.

Родителям всегда был дорог только Третий.

— Спасибо вам за помощь, дядя, — поклонился Ли Эр старосте.

— Живите теперь спокойно, — ответил тот. — Гуанцзун у тебя парень справный и почтительный, но не балуйте его слишком. Скажу прямо: твои родители хоть и любили младшего брата больше, но они всё же твои отец и мать. Смотри, чтобы Гуанцзун, видя ваше отношение к старикам, не поступил так же с вами в будущем. Во всем нужна мера.

— Посмотри на ваши отношения с Третьим, на отношения Ли Да с ним же...

— Если у вас еще будут дети, учите их добру. Не говорю, что нужно любить всех одинаково — у родителей всегда есть свои любимчики, — но нельзя переходить черту, как это сделали твои родители с Ли Да. Это было не по-людски.

Ли Эр согласно кивнул. Эти слова глубоко запали ему в душу. Раньше он не задумывался об этом, но теперь, вспоминая свою ярость из-за скрытых восьмидесяти восьми лянов, он думал: «А что чувствовал старший брат все эти годы?»

Ли Да в эти дни почти не разговаривал. Сразу после завтрака он уходил в горы — рубить дрова или косить траву для свиней. Уходил на весь день с узелком еды и возвращался только в сумерках. Лишь когда старики окончательно покинули Сипин, он перестал скрываться в лесу.

Деревенские жители, видя всё это, невольно задумывались о своих семьях. Те, у кого было много детей, приводили стариков Ли в пример — как поступать не следует.

Даже Син-гэ'эр однажды зашел к Чжоучжоу в прекрасном расположении духа.

— Представляешь, — хвастался он, — мама вернулась из городка и привезла мне серебряную шпильку! Посмотри, красиво?

Шпилька была простенькой, украшенной цветком персика.

— Очень красиво, — искренне похвалил Чжоучжоу.

Син-гэ'эр протянул её другу:

— Примерь!

Чжоучжоу покачал головой:

— Слишком дорогая вещь, я побоюсь сломать.

Син-гэ'эр рассмеялся:

— Она не из чистого серебра, только покрыта сверху. Но мама еще ни разу не дарила мне таких украшений с тех пор, как я вышел замуж. Мне она очень нравится.

Он с любовью поглаживал подарок.

В глазах Чжоучжоу промелькнула тень грусти. Не шпильке он завидовал, а тому, что у друга жива мать.

В деревне установилась на редкость мирная атмосфера. Глядя на печальный пример семьи Ли, все старались жить в согласии: свекрови не придирались к невесткам, братья не ссорились. Но не прошло и трех дней после отъезда стариков, как у въезда в деревню снова показались люди.

Сяо Тянь возвращался из Дунпина после занятий и увидел важных господ на мулах. Одежда на них была не чета деревенской, да и лица незнакомые. Мальчик вежливо отступил на обочину, пропуская всадников.

— Малыш, не подскажешь, где живет ваш староста? — спросил один из них, сидевший верхом.

Сяо Тянь указал дорогу:

— Дом старосты в глубине деревни.

Всадник пришпорил коня и умчался вперед. Ван Ашу, услышав топот, вышел за ворота. Увидев удаляющиеся силуэты, он поспешно завел сына в дом и запер ворота на засов.

Стук копыт разносился по всей деревне. Кто-то видел всадников, кто-то только слышал.

— Что случилось? Кто это на мулах?

— Каких мулах? Я ясно видел — это лошади!

— Лошади?!

Деревенские ахнули. Лошадь — животное дорогое, их только в городе и увидишь. Зачем всадникам понадобилось в их глушь? Лю Хуасян, услышав новости, затрепетала.

— Неужто старики вернулись и нажаловались Третьему? А тот послал стражу, чтобы нас арестовали? — прошептала она мужу.

— Быстрее, спрячь Гуанцзуна! — велел Ли Эр.

Лю Хуасян заметалась по дому. В панике она заперла сына в сарае и завалила дверь дровами. Семья второго сына сидела тише воды, ниже травы, прислушиваясь к каждому звуку на улице и боясь, что сейчас стражники выломают дверь. Лю Хуасян уже начала раскаиваться: зря она так костила Третьего... У этого подлеца сердце черное, точно решил их за решетку упрятать...

На улице становилось всё шумнее.

Супруги сидели не шелохнувшись. Наконец в их ворота громко застучали. Жена второго Ли едва не лишилась чувств от страха. Гуанцзун выбрался из сарая и заявил, что пусть забирают его — это он украл деньги, родители ни при чем.

Семья в слезах обнялась, пока побледневший от ужаса Ли Эр не решился всё же открыть. За воротами стоял сосед. Он сиял от радости:

— Вы чего заперлись? Я уже пять минут стучу! Некогда рассиживаться, живее на выход! Приехал уездный судья, вся деревня должна встречать его у въезда!

\*\*\*

Оказалось, стражники прискакали вперед, чтобы предупредить старосту. Тот, услышав, что в деревню едет сам уездный судья, от страха едва не рухнул на землю. Стражник подхватил его под локоть:

— Не бойся, старик, вести хорошие.

Только тогда староста пришел в себя. Он велел сыну бить в гонг, созывая всех жителей — от мала до велика. Женщины в домах принялись спешно мыть кружки и чашки, готовить кипяток и лучший чай для почетных гостей.

Вскоре у въезда в деревню выстроилась толпа. Минут через сорок показалась процессия: десяток всадников, а в центре — крытая повозка.

Вся деревня пала на колени.

Гу Чжао был среди них. У него не было ученого звания, поэтому он, согласно обычаю, преклонил колени. Память прежнего владельца тела подсказывала, как мало стоила жизнь простого человека в эти времена — одно слово вельможи могло разрушить целую семью. Поэтому он опустился на колени без лишних раздумий, не чувствуя унижения.

В какой храм пришел, такие сутры и читай.

Повозка остановилась. Возничий откинул полог, и первым вышел мужчина в скромном халате с аккуратной бородой — это был советник-шие. Вслед за ним показался величественный господин лет сорока в расшитых одеждах. Это и был уездный судья округа Нинпин, чиновник седьмого ранга.

Староста, не смея поднять глаз, дрожащими руками приветствовал гостя. Шие объявил:

— Перед вами — господин Фуцзунь.

Жители нестройным хором приветствовали вельможу. Глава округа благосклонно улыбнулся и велел всем подняться. Он заговорил прямо: похвалил Сипин за небывалый урожай и спросил о деталях. Шие тут же зачитал отчет: сколько му земли в деревне и каков размер уплаченного налога.

Староста, заикаясь от волнения, подтвердил, что все цифры верны.

— Не бойтесь, почтенный, — мягко сказал советник. — Богатый урожай — это великая радость для всего округа.

Староста лишь низко кланялся, не в силах найти слов. Уездный судья не стал больше мучить старика и взглянул на советника. Тот громко спросил, где здесь семья Ли Да. Ли Да, Чжоучжоу и Гу Чжао вышли вперед.

Высокий гость осмотрел их. Он уже слышал, что Ли Да и его единственный гэ'эр взяли в дом мужа — ученого по фамилии Гу. Теперь он воочию видел их всех. Ли Да и гэ'эр были высокими и крепкими, Ли Да выглядел сильным и надежным мужчиной. Его сын действительно статью походил на мужчину, а вот стоящий рядом ученый Гу выделялся на их фоне. Белокожий, статный, он никак не походил на простого пахаря — в каждом его движении чувствовалось достоинство образованного человека.

Неплохо.

Чиновник кивнул и задал ученому Гу несколько вопросов: какие книги тот изучал, как пришел к мысли об удобрениях и так далее. Гу Чжао отвечал спокойно и рассудительно, соблюдая все правила этикета. Он уже догадывался, зачем приехал господин Фуцзунь.

И действительно, через пару минут его предположение подтвердилось.

Уездный судья прибыл с наградой.

Поскольку Гу Чжао вошел в семью Ли как муж-зять, награда полагалась всему дому Ли Да. Чиновник лично начертал на доске иероглифы — «Дом искусных земледельцев» — и вручил этот почетный знак семье. Он похвалил их за щедрость и трудолюбие, назвав семью Ли Да образцом для всех земледельцев округа Нинпин.

Напоследок он ободрил Гу Чжао, призывая его продолжать учебу и готовиться к экзаменам, не унывая из-за прошлых неудач. Видать, история о том, как имя Гу Чжао вывесили на «доске позора» — сюэтай сюаньпай, — дошла и до ушей главы округа. Гу Чжао со смиренным видом выслушал наставления, пообещав приложить все силы к учебе.

В завершение вельможа пожаловал семье сто лянов серебра, еще раз похвалил их и взошел в повозку.

Всё действие заняло не более получаса. Приготовленный чай так и не пригодился. Вся деревня на коленях провожала кортеж, и лишь когда пыль за всадниками улеглась, тяжелое, давящее молчание наконец сменилось гулом голосов.

Люди пребывали в оцепенении. Все лица выражали крайнюю степень изумления. Кто-то еще не пришел в себя, кто-то никак не мог подобрать слов. Наконец один из мужиков обрел дар речи и, заикаясь, проговорил:

— Это... это и впрямь был сам господин уездный судья?

— Неужто мне это не привиделось?

— И вправду сам великий господин! Приехал похвалить Ли Да, да еще и денег дал!

На это серебро никто в деревне не смел зариться — ведь его пожаловал сам глава округа. На почетную доску «Дом искусных земледельцев» все смотрели с благоговением. Никто не решался прикоснуться к ней, лишь восторженно разглядывали искусные иероглифы. Мало кто понимал, что там написано, но само осознание того, что это рука великого господина, наполняло сердца гордостью.

— Вот уж истинно — Чжоучжоу обрел свое счастье!

— И то верно! Почетный знак от самого главы округа... Никогда о таком не слыхивал, а теперь вот своими глазами вижу.

— Не прогадали Ли Да с зятем, привел он удачу в этот дом!

Селяне не скупилась на похвалы. Ли Да тоже пребывал в замешательстве, но, осознав масштаб случившегося, громко объявил:

— Скоро мы устроим пир и пригласим всю деревню! Тогда и повесим этот почетный знак над воротами!

Деревня взорвалась радостными криками — намечалось великое торжество. Когда люди наконец разошлись, Ли Чжоучжоу вернулся во двор и, закрыв ворота, всё еще не мог поверить в случившееся. Его глаза округлились от изумления.

— Сянгун, мне кажется, я еще не проснулся и вижу сон... Ущипни меня!

Гу Чжао с улыбкой легонько ущипнул супруга за щеку.

«Мягкая какая... Какой же Чжоучжоу милый»

<http://bllate.org/book/15349/1423363>